

НАДЕЖДА
СОКОЛОВА

ТЕМНЫЙ ЗАМОК, ВЕДЬМА И ДРАКОН

НУ ДЕРЖИСЬ, МАГИЧЕСКИЙ МИР!

Надежда Соколова

Темный замок, ведьма и дракон

«Автор»

2026

Соколова Н. И.

Темный замок, ведьма и дракон / Н. И. Соколова — «Автор»,
2026

Мне 35, я - ведьма в каком-то там поколении. Люблю приключения на свои женские прелести и терпеть не могу тишину и покой. И нет, замужняя жизнь не по мне, что бы там ни думал один наглый дракон!

© Соколова Н. И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	10
Глава 4	13
Глава 5	16
Глава 6	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Надежда Соколова

Темный замок, ведьма и дракон

Глава 1

Я летела в темном небе в ступе, самой настоящей, ведьминской, рулила метлой, взмахивая ею то налево, то направо, и вопила песни. Мне было хорошо, напряжение последних дней уже спало, и я чувствовала себя просто великолепно. И пофигу мне было, кто и где услышит, что я там пою. Их проблемы. Пусть не подслушивают. Ведьмам тоже надо расслабляться. Вот я и расслаблялась, как могла. И нет, я не пила, вообще ни капли. Пьяным было запрещено садиться на летательные аппараты ради их же безопасности (аппаратов, не ведьм. Ведьмы и так находились под защитой мощных амулетов). К тому же после одной памятной попытки Зариса целую неделю ходила с перекошенным лицом и при каждом удобном случае напоминала, что если я еще раз заявлюсь домой «на рогах», она лично переплавит мою метлу в кочергу. Так что нет уж, спасибо. Трезвая ведьма — живая ведьма. И метла целая.

Пролетела я километров сто, не меньше — если по-честному, то все сто двадцать три, и еще три метра сверху, потому что я сбилась со счета на песне, — подальше от своего замка и ворчливой домовушки Зарисы, которая наверняка уже стояла у окна, скрестив руки, и готовила очередную лекцию о том, что порядочные ведьмы не шастают по ночам, а порядочные домовушки не спят в пустой холодной печи. И вот когда последние огоньки родных болот растворились за горизонтом, я, допев очередной куплет про зазевавшегося водяного, дала команду: — Снижаемся, залетная!

Ступе, предмету наполовину одушевленному, а наполовину — вредному, такое мое обращение категорически не понравилось. Она дернулась в сторону с таким видом, будто я предложила ей приземлиться прямо в болото к лягушкам, которых она, между прочим, панически боялась. Ну и получила метлой по боку — нечего характер показывать. Метла у меня, к слову, была не простая, а с секретом: на конце древка имелась маленькая железная набалдашница в виде черепа, и когда я ей орудовала, череп довольно скалился, будто ему это доставляло искреннее удовольствие.

Ступа стала сразу же послушной, снизилась на широкой поляне, прямо посередине — как раз между двумя поваленными березами, на которые, судя по их печальному виду, тоже когда-то пытались тут приземлиться, но что-то пошло не так.

Я, привычная к подобным перелетам, выпрыгнула из ступы, зевнула так, что чуть челюсть не свернула, размяла плечи. Благо широкий утепленный балахон сверху обычного платья, называемый почему-то плащом, давал простор движениям — и для разминки, и для того, чтобы спрятать под ним пару-тройку карманов с зельями, сладостями и одной очень подозрительной колбой, которая тихонько булькала.

Закончив с разминкой, я позвала:

— Васька! Васька, чтоб тебя! Хорош прятаться! А то я не чувствовала, кто у моих ног весь полет терся!

Из ступы раздалось жалобное мяуканье — такое жалобное, что даже череп на моей метле скривился и отвернулся. Через несколько секунд на поляне оказался рыжий наглый кот. Две луны этого мира, выползшие одновременно на небо, давали достаточно освещения, чтобы все желающие могли полюбоваться страдальческим выражением наглой рыжей морды. Мол, смотрите, люди добрые, что с нежным котиком злая ведьма делает! Морда у него была настолько несчастной, что даже комары, кажется, прониклись и на время перестали кусаться — впрочем, комары тут, скорее всего, просто испугались, что их тоже укачает.

— Укачало меня, — буркнул Васька, пошатываясь на всех четырех лапах и пытаясь одновременно удержать равновесие и сохранить достоинство. Получалось плохо: достоинство то и дело норовило завалиться набок.

— А нефиг было в ступу лезть, — пожала я плечами. — Нашел спальное место. Между прочим, у тебя в замке целых три подушки и старая корзинка, которую ты сам у Зарисы отво-
евал.

— Злая ты, Ленка, — обиженно протянул Васька и, покачнувшись, уселся прямо на собственную лапу, что явно не входило в его планы.

— Удивил, — фыркнула я. — Ты еще местным крестьянам об этом Расскажи. Авось перестанут с каждым прыщом на носу ко мне бегать. А то вчера приходил мельник — подумашь, у него корова заговорила! Я ему сказала: «Пройдет». А сегодня утром эта корова уже читала вслух неприличные стишки на площади. Так что, может, и к лучшему, что обо мне так думают. Меньше желающих будет.

Васька попытался что-то возразить, но вместо этого только икнул — видимо, от пережитого. Я вздохнула, достала из кармана вяленую рыбку и бросила ему. Он поймал ее на лету, но, увы, вместе с ней поймал и очередной приступ укачивания — и снова завалился набок, уронив рыбу в траву. Ну что ж, значит, ужин у него сегодня будет с приключениями. Впрочем, как и вся его жизнь.

Глава 2

Забив на Ваську с его рыбой — а точнее, на его страдальческую морду, которая выражала вселенскую скорбь и немой укор одновременно, — я начала готовиться к ритуалу, для которого и прилетела сюда. Васька, к слову, рыбу в итоге подобрал, но жевать её не стал — укачивание давало о себе знать, и он просто держал её в зубах, как трофей. Мол, смотрите, я не просто кот, я кот с добычей. Пусть и вяленой. Пусть и не своей.

Место это называлось поляной вдов. Вот так пафосно, угу. Считалось, что та, кто хоть раз побывает на этой поляне, до смерти останется без мужа. В общем, сказки, которыми пугали местных девушек. Не удивлюсь, если подобную чушь придумали местные мужики, чтобы их благоверные не мешали им встречаться здесь и весело проводить время за распитием. Но сказки это или нет, а я собиралась провести здесь ритуал, чтобы всякие женихи в дом не захаживали, не отвлекали меня, ведьму, от работы своими матримониальными планами.

Кстати, о женихах. Прошлый, кузнец Селиван, явился ко мне с букетом увядших ромашек и предложением руки и сердца прямо посреди варки зелья от бородавок. Я как раз помещивала варево и, честно говоря, чуть не добавила его самого в котел — исключительно в целях эксперимента. Обошлось. Но с тех пор я твердо решила: пора принимать меры. Радикальные.

Я разложила на траве небольшой коврик — не коврик, а ритуальное полотно, между прочим, с вышитыми рунами, которое я сама и вышивала, между прочим, три вечера, между прочим, чуть не ослепла. Полотно было черное, с серебряными нитями, и руны на нем располагались в строгом порядке, который я, честно говоря, уже подзабыла и восстанавливала по памяти, бормоча себе под нос: «Эта вроде та, что отгоняет... а эта, кажется, притягивает... хм, ну ладно, на месте разберемся».

Васька, все еще держа рыбу в зубах, с интересом наблюдал за мной. Когда я достала из кармана небольшую колбу с серебристой жидкостью, он выронил рыбу и насторожился.

— Это что? — подозрительно спросил он, пригнувшись.

— Лунная роса, — ответила я, аккуратно наливая ее в маленькую чашу. — Собранная в полнолуние, между прочим. Настаивалась семь ночей. Стоит дороже, чем весь твой корм за год.

— Пахнет странно, — заметил Васька, сморщив нос. — Как будто ты туда валерьянки добавила.

— Это не валерьянка, — отрезала я. — Это экстракт полыни. И нет, ты его не получишь. Даже не проси.

— Я и не просил, — обиделся Васька и отвернулся, всем своим видом показывая, что он выше этих ваших ритуалов. Но уши его остались повернутыми в мою сторону, что выдавало его с потрохами.

Я установила в центр полотна маленькую жаровню — бронзовую, с тремя ножками в виде драконьих лап, — и разожгла в ней огонь. Пламя получилось зеленоватым, потому что я случайно бросила туда не ту траву, но я решила, что так даже эффективнее. Надо же произвести впечатление. Хотя бы на Ваську. И на саму себя.

Затем я достала из кармана небольшую куклу, сделанную из соломы и обмотанную красной нитью. Кукла изображала... жениха. Ну, символически. У нее была нарисованная улыбка, приклеенная борода из пакли и почему-то кривые ноги. Я, честно говоря, не помнила, почему ноги кривые, но решила, что это символизирует нерешительность и склонность к бродяжничеству.

— Это кто? — спросил Васька, подходя ближе и обнюхивая куклу. Рыбу он предусмотрительно оставил под березой — на всякий случай, чтобы не потерять.

— Это, — торжественно объявила я, — образ всех потенциальных женихов, которые когда-либо переступят порог моего замка.

— Вылитый Селиван, — хмыкнул Васька. — Только у Селивана ноги прямые. Ну, были. Пока ты ему в прошлый раз метлой по коленям не съездила.

— Это был несчастный случай, — отрезала я. — Он слишком близко подошел к котлу. Я предупреждала.

Я водрузила куклу на жаровню — не в огонь, а на специальную подставку сверху, — и начала ритуал. Для начала я трижды обошла поляну по часовой стрелке, взмахивая метлой и приговаривая:

— Женихи, женихи, идите вы... в другую сторону. В свою. К другим ведьмам. Или к крестьянским девкам. Или куда угодно. Только не ко мне.

Васька, наблюдавший за этим представлением с безопасного расстояния (он улегся у поваленной березы и делал вид, что дремлет, но на самом деле, я видела, один глаз у него был открыт и следил за мной), не выдержал и фыркнул. Я сделала вид, что не заметила, и продолжила. Затем я трижды обошла поляну против часовой стрелки, взмахивая метлой в обратную сторону, и приговаривала:

— Не надо мне счастья. Не надо мне «замужа». Не надо мне сватов. Оставьте меня в покое. Я ведьма. Я сама себе счастье. И «замуж». И сваты. В общем, отстаньте.

После этого я вернулась к жаровне и бросила в огонь щепотку порошка из толченых костей... ну ладно, из толченой яичной скорлупы. Но выглядело эффектно. Пламя взметнулось вверх, окрасилось в фиолетовый, и из него повалил густой дым. Васька чихнул.

— Ты специально? — спросил он, отползая подальше.

— Нет, — соврала я. — Это часть ритуала. Дым должен очистить пространство от matrimониальных энергий.

— А, ну да, конечно, — протянул Васька, но спорить не стал. Умный кот. Иногда.

Затем я взяла куклу и начала медленно водить ею над огнем, приговаривая заклинание. Заклинание я сочинила сама, и оно звучало так:

— Как эта кукла от огня сохнет, так и женихи от меня шарахаться будут. Как эта нить красная оборвется, так и надежды их на мой счет оборвутся. Как эта борода сгорит, так и планы их matrimониальные сгорят. Да будет так. Или как-то так. Главное, чтобы работало.

Я держала куклу над огнем достаточно долго, чтобы борода из пакли начала тлеть и издавать характерный запах. Пахло, честно говоря, ужасно — как будто кто-то решил сжечь старый носок, — но я стойко терпела, потому что ритуал есть ритуал. Васька, однако, терпеть не стал и сбежал подальше, прикрывая нос лапой.

Наконец, когда борода сгорела, а нить оборвалась (я ее сама и оборвала, специально, для драматического эффекта), я бросила куклу в огонь. Она вспыхнула, скрутилась и превратилась в горстку пепла. Я удовлетворенно кивнула.

— Все, — объявила я. — Теперь можно жить спокойно. Никаких женихов. Никаких сватов. Никаких matrimониальных планов. Только я, моя работа и... — я посмотрела на Ваську, который как раз вылезал из-под березы и отряхивался. — И этот рыжий балбес.

— Я не балбес, — обиделся Васька. — Я кот. И я, между прочим, тоже пострадал. У меня до сих пор голова кружится.

— Это не от ритуала, — отрезала я. — Это от того, что ты весь полет в ступе просидел. Я тебе говорила: сиди дома. Нет, полез. Вот и получил.

— Злая ты, Ленка, — вздохнул Васька.

— Это я уже слышала, — отмахнулась я. — Пойдем. Домой пора. Зариса, наверное, уже весь замок на уши подняла.

Я собрала свои принадлежности — полотно, жаровню, колбу, — запихнула все обратно в карманы и направилась к ступе. Васька, прихрамывая и пошатываясь, поплелся за мной, но по дороге вспомнил про рыбу, вернулся, подобрал её и только потом продолжил путь.

— А это точно сработает? — спросил он, когда я уже забралась в ступу и взялась за метлу.

— Конечно, — уверенно ответила я. — Ритуал проверенный. Я его сама придумала. Три раза уже проводила.

— И как? Женихи не ходят?

— Ходят, — вздохнула я. — Но теперь они хотя бы боятся. Это уже прогресс.

Глава 3

Назад, в замок, я летела, довольная, снова распевая песни. Не похабные, прошу заметить. Я — ведьма приличная. Но уже одно то, что в небе кто-то что-то орет, могло дезориентировать любого моего противника. Если, конечно, они у меня были. Я сама в этом сильно сомневалась. Ну какие у меня могли быть противники? Разве что Зариса, когда я забывала вынести мусор из лаборатории. Или тот зазевавшийся водяной из песни, который, если верить молве, до сих пор сидит в своем болоте и вздрагивает при каждом звуке женского голоса. Вот и все. Так что дезориентировать было особо некого, но я на всякий случай орала громче — а вдруг где-то внизу какой-нибудь разбойник притаился? Пусть знает: в небе летит ведьма, и она явно не в настроении шутить. Хотя, если честно, настроение у меня было отличное. Ритуал проведен, женихи отогнаны, Васька притих, рыбу дожевал — жизнь удалась.

Замок встретил меня темными окнами везде, кроме обеденного зала на первом этаже. Уж там окна светились, как новогодние гирлянды. И я готова была поспорить, что знаю, почему. Свет был не просто ярким, а каким-то праздничным, даже наглым. Таким светом обычно светятся окна, когда внутри происходит что-то, что мне категорически не понравится. Например, кто-то накрыл стол на три персоны. Или кто-то притащил в дом очередной букет. Или кто-то, что еще хуже, притащил в дом очередного жениха.

— Если это снова Эрик прибыл, — проворчала я, приземляясь и вылезая из ступы, — я превращу его в лягушку. А Зарису — в муху!

Ступа, услышав это, довольно скрипнула — она Эрика тоже недолюбливала. В прошлый его визит он попытался на нее опереться, чтобы эффектно встать на одно колено, и чуть не перевернул. С тех пор ступа относилась к нему с холодным презрением и при каждом удобном случае норовила отлететь в сторону, если он подходил слишком близко. Васька, услышав мое заявление, прыгнул на землю и посмотрел на меня с одобрением.

— Лягушкой он хотя бы не будет мне на хвост наступать, — заметил кот, усаживаясь и принимаясь вылизывать лапу с видом типа, который уже все решил и теперь просто наблюдает за развитием событий.

Эрик был моей головной болью. Высокий, красивый, молодой дракон-аристократ, он почему-то вбил себе в голову, что влюблен в меня. Ну и что я просто обязана выйти за него замуж. И все мои возражения просто не принимались в расчет. Я ему говорила: «Эрик, я ведьма. Я варю зелья. Я живу в замке с ворчливой домовушкой и наглым котом. Я не создана для светских приемов». Он отвечал: «Ты просто еще не поняла, что создана для меня». Я ему говорила: «Эрик, я превращу тебя в жабу». Он отвечал: «Какая ты забавная, когда грозишься». Я ему говорила: «Эрик, уйди». Он отвечал: «Я подожду». И ждал. Вот уже полгода. Иногда мне казалось, что его терпению можно позавидовать. Иногда — что его просто нужно проверить на наличие мозгов. Пока ни то, ни другое не давало результатов.

Зариса, мечтавшая выдать меня уж хоть бы за кого-нибудь, всячески ему в этом поддакивала. Ну и мастерски устраивала наши встречи. То у нее «случайно» заканчивалась соль, и именно Эрик оказывался единственным, у кого она была. То у нее «случайно» ломалась печь, и именно Эрик оказывался единственным, кто мог ее починить. То она «случайно» забывала закрыть дверь, и именно Эрик оказывался на пороге с очередным букетом. Я подозревала, что где-то в замке спрятан целый склад соли, а печь она ломает сама — исключительно из вредности и из желания увидеть меня замужем. Хотя, если честно, я подозревала, что Зариса просто хочет, чтобы я перестала варить зелья в обеденном зале и наконец перебралась в лабораторию. Или чтобы я перестала петь по ночам. Или чтобы я перестала приводить домой раненых воронов, заблудившихся ежей и одного очень подозрительного кота, который, как выяснилось

позже, умеет говорить. В общем, у Зарисы были свои резоны. Но это не значит, что я была с ними согласна.

Я вздохнула, посмотрела на светящиеся окна обеденного зала и решительно направилась к двери. Васька, дожевав рыбу, поплелся за мной.

— Ты его правда в лягушку превратишь? — спросил он с надеждой.

— Посмотрим, — ответила я, толкая дверь. — Какое настроение будет.

Мы вошли. Точнее, я вошла, а Васька вплыл следом с видом маленького пушистого лорда, которому все вокруг обязаны. Впрочем, слуги, попадавшие нам навстречу, и правда провожали его почтительным взглядом — то ли из уважения к его статусу любимца хозяйки, то ли из опасения, что он снова стащит что-нибудь со стола. Васька на этом поприще прославился: однажды утащил целую индейку, и потом три дня ходил с таким невинным лицом, что даже Зариса усомнилась в собственной подозрительности.

В холле нас встретил дворецкий — сухонький старичок с идеальной осанкой, в неизменном черном сюртуке, который, казалось, был на нем еще при моей бабке. Он отвесил поклон, ровно настолько глубокий, чтобы выразить уважение, но не настолько, чтобы уронить достоинство. Дворецкого звали Марк, и он был единственным существом в замке, которое умудрялось сохранять невозмутимость даже тогда, когда я случайно взрывала лабораторию или когда Зариса устраивала свои спектакли с солью. Профессионал.

— Хозяйка, — произнес он ровным голосом, в котором не дрогнуло ни единой нотки, — вас ожидают в обеденном зале. Гости прибыли около часа назад.

— Гости, значит, — процедила я сквозь зубы. — А Зариса, конечно, не в курсе, кто именно.

— Домовушка Зариса изволили лично распорядиться о сервировке стола, — с безупречной нейтральностью ответил Марк. — По их словам, «накрыто по высшему разряду». Также они изволили заметить, что если вы не плявитесь в течение десяти минут, они лично придут за вами. С метлой. Не своей.

— Угрожает, — вздохнула я. — Ну ладно. Пойдем посмотрим, кого там принесло.

Васька поднял хвост трубой и двинулся первым, явно рассчитывая на лучшее место у стола — и на то, что кто-нибудь из гостей окажется достаточно неосторожным, чтобы уронить кусочек мяса. Марк бесшумно отступил в сторону, пропуская нас, и я заметила, как в его глазах мелькнуло что-то подозрительно похожее на сочувствие. Значит, точно Эрик.

Я прошла по коридору, толкнула дверь в обеденный зал — и остановилась на пороге.

Стол был накрыт торжественно. Нет, не торжественно — пафосно. Свечи в серебряных канделябрах, которые я, кажется, вообще не помнила в замке, скатерть, которую я точно не покупала, и пара новых стульев с резными спинками. Зариса явно выложила на полную. Или ограбила соседний замок. Одно из двух.

А в центре этого великолепия сидел Эрик.

Он был высок — даже сидя, он умудрялся казаться выше всех в комнате. Плечи широкие, осанка безупречная — сразу видно, дракон, аристократ, вскормлен светскими приемами и собственным самолюбием. Волосы темные, с легким золотистым отливом на висках — говорят, у драконов это признак благородного происхождения. На нем был камзол глубокого изумрудного цвета, расшитый тонким узором, который, если присмотреться, изображал чешуйки. Дракон даже в одежде оставался драконом. Я заметила, как на его пальце блеснул перстень с крупным зеленым камнем — подозрительно похожим на изумруд. Или на магический кристалл. Зная Эрика, скорее второе.

Лицо у него было то самое — красивое, симметричное, с правильными чертами, за которые местные девицы готовы были отдать все что угодно. Прямой нос, выразительные глаза — зеленые, с золотистыми искрами, как у всех драконов, — и легкая улыбка, которая, по его мнению, должна была меня обезоруживать. Меня она не обезоруживала. Меня она раздражала.

Потому что это была та самая улыбка, которую он надевал, как парадный сюртук, — вежливая, уверенная и абсолютно не отражающая того, что происходит у него внутри. Хотя, кто его знает, что там происходило. Может, там было пусто. Может, там было что-то вроде «Сегодня она точно сдастся». Я не бралась судить.

Как только я вошла, Эрик поднялся — плавно, грациозно, как будто репетировал это движение перед зеркалом. Он даже отодвинул стул, чтобы встать, — хотя, если честно, стул был ни при чем. Он просто хотел произвести впечатление. И он его произвел. Впечатление булыжника, упавшего на мою голову.

— Ленора, — произнес он глубоким, бархатным голосом, в котором слышались и укор, и нежность, и легкое самодовольство. — Наконец-то. Я уже начал волноваться.

— А ты не начинай, — отрезала я, входя в зал. — Волнение тебе не идет. У тебя от него морщинка между бровей появляется. А тебе, дракону, морщинки не положены. Солидность теряешь.

Эрик моргнул. Потом улыбнулся — чуть шире, чуть теплее, как будто я сказала ему комплимент.

— Ты, как всегда, прямолинейна, — заметил он, опускаясь обратно на стул. — Это одна из многих причин, по которым я тебя люблю.

— Ага, — кивнула я, усаживаясь напротив. — И одна из многих причин, по которым я тебя когда-нибудь придушу.

Васька, воспользовавшись моментом, запрыгнул на стол — прямо на скатерть, которую Зариса, судя по ее замыслам, выбрала специально для того, чтобы поразить Эрика. Кот уселся между нами, как маленький пушистый арбитр, и посмотрел на дракона с откровенным вызовом.

— Здравствуй, котяра, — сказал Эрик, не теряя улыбки. — Ты, я смотрю, все еще таскаешь рыбу с моего стола.

— Она была бесхозная, — ответил Васька, не моргнув глазом. — Лежала. Портысь. Я спас. Ты должен меня поблагодарить.

Эрик перевел взгляд на меня.

— Он все еще разговаривает.

— Да, — подтвердила я. — И все еще умнее тебя. Что, впрочем, не так сложно.

В этот момент из кухни донеслось недовольное ворчание Зарисы — что-то про «неблагодарных ведьм» и «женихов, которых приходится кормить», — и я поняла, что вечер только начинается.

Глава 4

Еда появилась почти сразу — Зариса, судя по всему, стояла у кухонной двери и ждала сигнала. Сигналом, вероятно, послужил Васькин прыжок на стол, потому что не успела я усесться поудобнее, как слуги начали вносить блюда. И не просто вносить — они их выставляли с таким торжественным видом, будто это были не жареные куропатки, а по меньшей мере королевские регалии. Я подозревала, что Зариса лично проинструктировала каждого: «Улыбайтесь. Кланяйтесь. И не дай боги уроните что-нибудь на камзол господина дракона, он потом три дня будет вспоминать».

Эрик, разумеется, воспринял это как должное. Он вообще воспринимал как должное всё, что происходило в радиусе его персоны. Пока слуги суетились вокруг стола, он сидел с тем самым выражением лица — вежливым, чуть отстраненным, с легкой полуулыбкой, которая, по его мнению, делала его загадочным. По-моему, она делала его похожим на кота, который только что стащил сметану, но решил не сознаваться.

— Надеюсь, ты не против, что я распорядился насчет ужина, — начал он, разворачивая салфетку с изяществом, которому позавидовал бы любой придворный. — Зариса была так любезна, что позволила мне выбрать меню.

— Зариса была так любезна, — повторила я, беря вилку, — что я ей это ещё припомню. Меню, значит, ты выбирал. А что там? Жареные куропатки в медовом соусе, запеченные овощи с пряными травами и, если я не ошибаюсь, пирог с ежевикой на десерт?

Эрик поднял бровь.

— Ты угадала.

— Я не угадала. Это моё любимое. Ты либо шпионил, либо выпытал у Зарисы. Ставлю на второе. Она продаст меня за хороший комплимент её выпечке.

— Я не шпионил, — с достоинством ответил Эрик. — Я просто внимателен к тем, кто мне дорог. Это не преступление.

— Преступление — это когда ты в прошлый раз притащил мне букет роз, а у меня на них аллергия. Ты знал?

— Теперь знаю, — не моргнув глазом, ответил он. — В следующий раз принесу лилии.

— У меня и на лилии аллергия.

— Тогда принесу что-нибудь нецветущее. Например, книгу.

— Книгу? — Я хмыкнула. — Ты хоть раз в жизни книгу открывал? Или у тебя слуги читают, а ты потом пересказываешь?

Эрик не обиделся. Он вообще никогда не обижался на мои выпады. Это было почти оскорбительно. Я стараюсь, острою, а он сидит с этой своей снисходительной улыбкой, как будто я не ведьма, а маленькая девочка, которая пытается ругаться взрослыми словами и путается в слогах.

— Я читаю, — сказал он, отрезая кусочек куропатки с методичностью человека, который привык, что еда сама себя не разрежет. — В основном трактаты по магии. Мне интересно то, чем ты занимаешься.

— О, прекрасно, — вздохнула я, накалывая на вилку овощ. — Ещё один, кто хочет заглянуть в мою лабораторию. Знаешь, сколько таких было? Все хотят посмотреть, как ведьма варит зелья. Никто не хочет помогать мыть котёл.

— Я готов помочь.

— С мытьём котла?

— С чем угодно. — Эрик посмотрел на меня поверх бокала с вином — он, к слову, даже не пригубил, потому что драконы, видите ли, предпочитают трезвость. — Я серьёзно, Ленора. Я не просто так приезжаю.

— Я знаю, что не просто так. — Я отложила вилку и посмотрела на него в упор. — Ты приезжаешь, чтобы жениться. Ты это делаешь уже полгода. Ты не сдаёшься. Это, знаешь ли, впечатляет. Но это не значит, что я согласна.

— Я терпелив.

— Ты упрям.

— Это одно и то же. — Он улыбнулся — на этот раз искренне, чуть теплее, чем обычно. — Просто с разных сторон.

Васька, сидевший на столе и методично уничтожавший кусок куропатки, который ему перепал от сердобольного слуги, поднял голову.

— Он тебя переигрывает, — сообщил он с набитым ртом. — Ты злишься, а он улыбается. Это плохой знак.

— Заткнись и ешь, — отрезала я.

— Я ем, — обиделся Васька. — Просто делюсь наблюдениями. Между прочим, бесплатно.

Эрик посмотрел на кота с любопытством.

— Он всегда такой?

— Всегда, — подтвердила я. — И если ты скажешь, что он милый, я тебя точно в лягушку превращу. Не испытывай судьбу.

— Я не скажу, что он милый, — серьёзно ответил Эрик. — Я скажу, что он честный. Это редкость. Большинство котов, которых я знал, предпочитали молчать и наблюдать. А этот говорит всё, что думает.

— Это не честность, — возразила я. — Это наглость. Просто у него шерсть пушистая, и все думают, что он хороший.

— Клевета, — вставил Васька. — Я и есть хороший. Я просто вынужден жить с ведьмой, у которой характер как у ёжа. Колючий и с утра недовольный.

— Ещё одно слово, — предупредила я, — и ты будешь жить на улице. С настоящими ежами. И я посмотрю, как ты им расскажешь про свой характер.

Васька фыркнул и вернулся к куропатке. Эрик наблюдал за нами с тем самым выражением, которое я ненавидела больше всего, — будто он видел что-то, чего не видели другие. Что-то, что ему нравилось. Что-то, что он хотел бы видеть каждый день.

— Что? — спросила я резче, чем собиралась.

— Ничего, — ответил он. — Просто ты сейчас была почти счастливой. Когда грозила коту улицей. У тебя глаза загорелись.

— У меня глаза всегда горят, когда я кому-то угрожаю. Это профессиональное.

— Я знаю, — кивнул Эрик. — И всё равно это красиво.

Я закатила глаза — демонстративно, с чувством, с расстановкой. Эрик даже не дрогнул. Он просто вернулся к своей куропатке, как будто не сказал только что одну из самых нелепых вещей на моей памяти. «Красиво». Ха. Красиво — это закат над болотами. Красиво — это когда зелье получается с первого раза. А когда я ору на кота, это не «красиво», это «ведьма в своём репертуаре». Но Эрик, судя по всему, считал иначе. И это, если честно, меня немного... нет, не трогало. Раздражало. Точно раздражало.

— Ты когда-нибудь задумывался, — сказала я, меняя тему, — что ты тратишь впустую своё время? Ты — дракон. Аристократ. Красивый, богатый, с перспективами. За тобой, наверное, очередь из девиц стоит. А ты сидишь тут, в замке у ведьмы, и ешь куропатку, которая, между прочим, приготовлена по моему рецепту, а не по твоему.

— Я заметил, — ответил Эрик. — Она вкуснее, чем обычно.

— Это потому что Зариса готовила для меня, а не для тебя. Ты просто ешь то, что предназначалось мне.

— Тогда я польщён. — Он отложил вилку и посмотрел на меня внимательно. — Ленора, я не трачу время впустую. Я знаю, чего хочу. И я готов ждать. Ты не обязана отвечать мне сегодня. Или завтра. Я просто хочу, чтобы ты знала: я рядом. И я никуда не уйду.

— А если я тебя прогоню?

— Тогда я вернусь завтра. С лилиями. Или с книгой. Или с чем-нибудь нецветущим.

— С камнем? — предположила я. — Притащишь мне булыжник?

— Если понадобится, — серьёзно ответил Эрик. — Ты любишь камни. У тебя в лаборатории их целая коллекция. Я видел.

Я замолчала. Он действительно видел. И запомнил. И это было... ну, не то чтобы приятно. Просто неожиданно. Зариса, конечно, продала меня с потрохами — и коллекцию камней, и любимые блюда, и, наверное, даже то, с какой стороны я предпочитаю спать. Я мысленно пообещала себе устроить домовушке выговор. Или, наоборот, повышение. Я ещё не решила.

Васька, дожевав куропатку, сыто рыгнул и улёгся прямо на скатерти, растопырив лапы.

— Знаете, — сказал он, прикрыв глаза, — вы оба странные. Ты, — он посмотрел на меня, — делаешь вид, что он тебе безразличен. Ты, — он посмотрел на Эрика, — делаешь вид, что не замечаешь, что она делает вид. А я просто кот. Я хочу спать. Но даже мне понятно: вы стоите друг друга. Жалко, что вы этого не видите.

— Васька, — процедила я.

— Молчу, — сказал кот и закрыл глаза. — Уже молчу. Сплю. Не обращайтесь внимания.

Эрик улыбнулся — тихо, почти неслышно, — и вернулся к еде. Я тоже взяла вилку. Некоторое время мы ели молча, и это молчание было... странным. Не неловким. Просто тихим. Как будто мы оба знали что-то, чего не хотели говорить вслух. Как будто мы играли в игру, правила которой знали только двое.

— Знаешь, — сказала я наконец, — если ты и правда хочешь помочь с котлом, приходи завтра. Но предупреждаю: он большой, грязный и пахнет серой. И я не буду тебе ничего объяснять. Ты просто возьмёшь тряпку и будешь мыть. Без жалоб. Без «а вот у драконов слуги для этого есть». Просто мыть.

Эрик поднял на меня глаза. В них мелькнуло что-то — удивление? Надежда? — и тут же спряталось за привычной вежливой маской.

— Я приду, — сказал он. — К восходу.

— К восходу я ещё сплю.

— Тогда к полудню.

— К полудню я уже занята.

— Тогда к тому времени, когда ты проснёшься и освободишься, — терпеливо сказал Эрик. — Я подожду. Я умею ждать.

— Да, — вздохнула я. — Это я уже поняла. Ты умеешь ждать. Ты вообще, кажется, только это и умеешь.

— Ещё я умею мыть котлы, — напомнил он. — С завтрашнего дня. Ты сама предложила.

— Я уже пожалела.

— Поздно, — улыбнулся Эрик. — Слово ведьмы — закон. Даже если ведьма сама об этом забыла.

Я хотела сказать что-нибудь колкое, но ничего не придумала. Поэтому просто взяла пирог с ежевикой и отрезала себе кусок — побольше, чем собиралась. Зариса, выглядывавшая из кухонной двери, довольно кивнула и скрылась. Я сделала вид, что не заметила. Эрик сделал вид, что тоже не заметил. Васька сделал вид, что спит. В общем, все делали вид. Как обычно.

Глава 5

Ночью начался сильный ливень с грозой. Я проснулась от того, что где-то на крыше что-то грохнуло — судя по звуку, либо молния попала в башню, либо Зариса решила провести ночную уборку и уронила очередной горшок. Впрочем, горшки она роняла с завидной регулярностью, но чтобы с таким грохотом — это было впервые. Я приподнялась на локте, прислушалась. Второй раскат грома подтвердил: гроза. Настоящая, с молниями, с ветром, который выл в трубах так, будто ему там что-то задолжали, и с дождём, который барабанил по крыше с упорством, достойным лучшего применения.

Я улыбнулась. Нет, не так. Я улыбнулась широко, по-настоящему, от всей души — так, как не улыбалась уже давно. Потому что гроза — это было прекрасно. Гроза — это было чудесно. Гроза означала, что Эрик не придёт. Ну, то есть, теоретически он мог прийти. Драконы, насколько я знала, не боятся дождя. Но даже драконы не летают в грозу — это было бы слишком даже для его упрямства. Молнии, ветер, ливень стеной — нет, он не полетит. Он же не психопат. Наверное. Хотя с его настойчивостью я бы не удивилась, если бы он попытался.

Я откинулась обратно на подушку и натянула одеяло до подбородка. Дождь стучал по стеклу, гром гремел где-то вдалеке, и это было лучше любой колыбельной. Я даже не стала вставать, чтобы проверить, что там грохнуло на крыше. Пусть грохает. Пусть льёт. Пусть сверкает. Мне было хорошо. Мне было тепло. Мне было лень. И главное — мне не нужно было идти мыть котёл с драконом. Котёл подождёт. Дракон подождёт. Всё подождёт.

Я проснулась поздно — судя по тому, что свет за окном был серым и рассеянным, а дождь всё ещё шёл, только уже не стеной, а ровной, монотонной моросью. Гроза прошла, но небо осталось хмурым, и это было прекрасно. Потому что хмурое небо означало, что ливень может возобновиться в любой момент. А ливень означал, что Эрик не прилетит. Я потянулась, зевнула, нащупала ногой тапок — второй, как обычно, куда-то запропастился, — и поплелась вниз, в обеденный зал, где Зариса уже хлопотала над завтраком.

— Доброе утро, — сказала я, усаживаясь за стол и оглядываясь. — Или добрый день. Я не разобралась.

— Полдень, — сообщила Зариса, ставя передо мной тарелку с кашей. — Дождь льёт с полуночи. Весь замок промок. Крыша в восточной башне протекла. И ещё эти вороны, которых ты приютила, опять устроили гнездо в дымоходе.

— Пусть живут, — отмахнулась я, беря ложку. — Им тоже где-то надо жить.

— Тебе бы всё шуточки, — проворчала Зариса, но беззлобно. — Кстати, господин дракон не прилетал. Я смотрела в окно каждые полчаса. Не прилетал.

— Я знаю, — сказала я, и улыбка сама собой расплзлась по лицу. — Дождь. Он не полетит в дождь.

— Не полетит, — согласилась Зариса, и в её голосе мелькнуло что-то подозрительно похожее на разочарование. — Хотя я накрывала на две персоны. На всякий случай.

— Напрасно, — заявила я, с наслаждением отправляя в рот ложку каши. — Сегодня никаких драконов. Сегодня только я, ты, Васька и дождь. И это лучший день за последнюю неделю.

Васька, который спал на подоконнике, свернувшись в рыжий клубок, поднял голову, приоткрыл один глаз и посмотрел на меня с сомнением.

— Ты радуешься, — заметил он. — Это подозрительно.

— Я радуюсь, — подтвердила я. — Имею право. Дождь, гроза, никаких женихов. Крассота.

— А если он всё-таки прилетит? — спросил Васька, зевая. — К вечеру, например. Дождь-то уже не такой сильный.

— Не прилетит, — уверенно сказала я. — Он же обещал прийти к полудню. А полдень уже прошёл. Значит, он не сдержал слово. А раз не сдержал — я имею полное право не мыть котёл. И не мыть его завтра. И, может быть, вообще никогда.

— Логика железная, — хмыкнул Васька. — Только ты забываешь, что драконы не всегда летают. У них есть ноги. И, кажется, у него есть экипаж. Или он может нанять. Или попросить кого-нибудь.

Я замерла с ложкой в руке.

— Экипаж, — повторила я. — По грязи. По размытой дороге. Через лес, где после дождя болото разлилось. Ты думаешь, он настолько упрямый?

Васька посмотрел на меня с выражением, которое я ненавидела больше всего, — с выражением «ты сама знаешь ответ, но тебе не хочется его признавать».

— Он вбил себе в голову, что тебя любит, — сказал кот. — Он полгода ездит к тебе. Он готов ждать. Он готов мыть котёл. Ты правда думаешь, что дождь его остановит?

Я отложила ложку. Взяла чашку с чаем. Сделала глоток. Посмотрела в окно, где морось уже почти превратилась в нормальный дождь — не ливень, но всё ещё достаточно противный, чтобы не хотеть выходить на улицу.

— Ну, — сказала я, — если он приедет в экипаже, это займёт часа три. Может, четыре. Дорога размыта. Лошади устанут. Он опоздает. А если опоздает — я уже буду занята. У меня, между прочим, полно дел. Зелья. Вороны. Дымоход. Восточная башня. Котёл, в конце концов.

— Котёл ты как раз хотела отложить, — напомнил Васька.

— Заткнись, — отрезала я. — Я передумала. Я его вымою сама. Прямо сейчас. Чтобы, если он всё-таки приедет, котёл был уже чистый, и мне не пришлось с ним возиться.

— То есть ты хочешь вымыть котёл, чтобы не мыть его с ним? — уточнил Васька.

— Именно.

— Логично, — сказал кот и снова закрыл глаза. — Нелогично, но логично. Я спать.

Я допила чай, встала из-за стола и направилась в лабораторию. Дождь стучал по крыше, ветер шумел в трубах, и я с каждым шагом чувствовала себя всё лучше и лучше. Даже если Эрик приедет — а он, скорее всего, приедет, — у меня будет чистый котёл. Это уже победа. Маленькая, но победа. А в моей жизни, если честно, давно не было побед. Даже маленьких.

Зариса, провожавшая меня взглядом, вздохнула и вернулась к плите. Васька спал. Дождь шёл. И на душе у меня было удивительно спокойно — впервые за долгое время.

Глава 6

После дождя в дверь замка постучали. Стук был настойчивый, но вежливый — три размеренных удара, пауза, ещё два. Я как раз стояла в лаборатории, вытирая руки о тряпку, которой только что драила котёл. Котёл, надо сказать, был вымыт до блеска. Я даже гордилась собой. Правда, тряпка теперь была похожа на что-то, что достали со дна болота, а мои руки пахли серой так, что даже вороны в дымоходе забеспокоились.

Стук повторился. Я вздохнула, бросила тряпку в ведро и пошла к двери. Зариса уже суежилась в холле — она всегда суежилась, когда кто-то стучал, потому что в глубине души была уверена, что любой гость — это потенциальный жених для меня, а значит, надо встречать по высшему разряду. На этот раз, впрочем, её энтузиазм был несколько сдержан: дождь лил весь день, и она, как и я, не ожидала, что кто-то в такую погоду пойдёт через лес.

Я открыла дверь — и на пороге обнаружились двое.

Они стояли под дождём, который всё ещё моросил, но уже не так яростно, как ночью. Оба промокли до нитки. Оба были высоки, стройны и неуловимо похожи друг на друга — одинаковый разрез глаз, одинаковый упрямый подбородок, одинаковое выражение лица, которое лучше всего описывалось словом «аристократическое». Драконы. Сразу видно. Даже без чешуи, без перстней с изумрудами и без характерного золотистого отблеска в глазах.

Он был моего возраста — может, чуть старше. Высокий, широкоплечий, с тёмными волосами, прилипшими ко лбу, и глазами цвета грозового неба. На нём был дорожный камзол, весь в грязи, и плащ, который, судя по всему, когда-то был очень красивым, а теперь напоминал мокрую тряпку. Он стоял прямо, не горбился, не жаловался — просто стоял и смотрел на меня с вежливым ожиданием.

Она была моложе — лет на пять, не больше. Та же тёмная масть, те же грозные глаза, но черты лица мягче, а в уголках губ пряталась улыбка, которую она, судя по всему, изо всех сил пыталась сдержать. Её плащ был чуть короче, чуть ярче — и чуть более промокшим, если такое вообще было возможно. Она дрожала, но тоже не жаловалась. Драконы, видимо, вообще не жаловались. Это у них было семейное.

— Добрый вечер, — сказал он, и голос у него был низкий, спокойный, без малейшего оттенка высокомерия. — Прошу прощения за вторжение. Мы не планировали останавливаться в этих краях, но гроза застала нас в пути. Дорогу размыло. Лошади устали. Мы увидели огонь в окнах и решили попробовать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.